

18+

Полтинник

Наталья Брашкина

Полтинник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190165

ISBN 9785005121899

Аннотация

Старейшее литературное объединение Вологды «Ступени» подходит к 50-летию. Основали его поэты Юрий Макарович Леднев и Михаил Николаевич Сопин, они вместе с ним занимались. Данный сборник «Полтинник» состоит из произведений нынешних членов лито, из их прозы и поэзии. Сборник открывается разделом критики и мемуаров. «Полтинник» – яркая иллюстрация истории вологодской литературы.

Содержание

ПОЛТИННИК	5
К читателю	6
Критика, мемуары	8
Анна Кашина	8
Нина Писарчик	27
Александр Соколов	32
Сергей Фаустов	41
Галина Щекина	55
Поэзия	76
Жорж Вандышев	76
Ирина Григорьева	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Полтинник

Составитель, редактор Наталья Брашкина

Фотограф, корректор Зоя Елизарьева

Оформление обложки Никита Щекин

ISBN 978-5-0051-2189-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЛТИННИК

Коллективный сборник, посвященный 50-летию литературного объединения «Ступени».

Составитель Н. Брашкина

Корректор З. Елизарьева.

Фото пейзажей З. Елизарьева под редакцией Н. Брашкиной

К читателю

Дорогой читатель! Перед тобой необычная книга. В ней звучит не

один авторский голос, а целый хор, ведь это коллективный сборник «Полтинник», посвященный 50-летию Вологодского литературного объединения «Ступени».

Литобъединение основали в 1971 году поэты Юрий Леднев и Михаил Сопин при профсоюзной библиотеке подшипникового завода. Во всех заседаниях участвовала библиотекарь Ангелина Соловьева. С тех пор отцы-основатели давно покинули белый свет, но члены лито их помнят и почитают. Поэтому есть в сборнике заметочка про Юрия Макаровича Леднева.

Первое поколение литовцев – Вячеслав Белков, Лариса Мокшева, Наталья Маслова, Владислав Кокорин, Юрий Каранин, Ольга Биричевская. Второе поколение – Елена Волкова, Михаил Жаравин, Лариса Новолодская, Татьяна Сопина, Галина Щекина, Виктор Васильев, Юрий Каранин, Сергей Козлов, Ольга Кузнецова, Руфь Рафалович, Авенир Лазарев, Борис Гуляев, Юрий Ганичев, Валерий Архипов, Сергей Фаустов, Саша Алексеев, Александр Ломковский, Ольга Гаряева, Александр Черницкий... Стали подтягиваться и более молодые авторы, чьи имена сегодня многим известны –

Павел Тимофеев, Ната Сучкова, Мария Суворова, Дмитрий Гасин, Роман Красильников, Елена Попова.

Сегодня состав лито обновился почти полностью – прибавились Наталья Брашкина, Вадим Оришин, Ольга Коротина, Татьяна Снежина, Анна Кашина, Нина Писарчик, Дмитрий Трипутин. Кто-то тяготеет к прозе, кто-то к стихам, и теперь проявляется повышенный интерес к критике.

За всю историю лито вышло два коллективных сборника: «Дверца» в 1991 г., «Сорок ступеней навстречу» в 2012 г. И вот третий – «Полтинник». Одно неизменно – в лито всегда могут прийти люди любящие литературу, показать свои тексты, получить отзывы коллег и дружескую помощь. Творческое общение – это то, что нужно всем авторам. Адрес для связи – группа Вконтакте Литкуб вологжан «Ступени» имени Михаила Жаравина.

Галина Щекина

Критика, мемуары

Анна Кашина

Поэт, психолог, критик. Родилась в г. Онега, Архангельской области в 1980 г. Автор стихотворных сборников «Зимнее время» 2004, «Люди врут» 2015 и «Безответная сюита для телефона» 2019, а также книги эссе «Невероятное путешествие одной лирической героини» 2020, изданных в Архангельской области. Публиковалась в литературной газете «Графоман», в альманахе «Вель», в журнале «Двина», в сборниках критических статей «Михаил Жаравин крупным планом», «Почему Анчаров? Выпуск 6» и др. Финалист международного конкурса литературной критики на соиска-

ние премии «ЭХО» 2019, Вологда; член сообщества «Клуб Кресло Критика». Живёт в Вельске.

Терпение бумаги Наты Сучковой

Когда я садилась за стол,
Невинность листа блюда,
Я знала – поэмы гор
Написаны для меня.
Истории всех измен,
Всех опытов и любовей
Написаны лишь затем,
Чтоб мне написать другое...

(отрывок из поэмы «Камень-рыба-облако». 1998)

Лирический субъект Наты Сучковой в новой книге стихов «Страна», изданной в Москве в 2020 году, решает проблему использования бумаги традиционным писательским способом, но работа, проделанная рукой поэта – слишком ответственная: «Бумага терпит, но не терпит / рука, которой я пишу (...) поэт споткнётся, а прозаик не заметит, / поэт качнётся, а прозаик устоит. (...) бумага терпит, но тихонечко скулит» («Бумага терпит, но не терпит...»).

Почему лирический субъект? А потому, что выражается автор не только от имени лирической героини или героя, а иногда от обоих сразу, использует говор всей станции

«Е***я», которая где-то на «отворотке»; вещает от имени всего фабричного города Вологда, что на православно-колокольной реке Вологда, пишет в инстаграме на айфоне от имени не Пушкинского уже Питера, а Петербурга или «бывшего Ленинграда»; ворчит от имени страны, что называется то «Русью-рукавицей» дырявой, то «Русью зелёной», то «грустной» страной – «чугунной ванной»; выкрикивает от имени её «карманов» (Архангельска, Котласа, Воркуты, Харовска и др.); а также от имени планеты, вернее, «голубой маковки» наверху земного шара.

Уровень обобщения лирического посыла читателю настолько велик, объёмен и масштабен, что выдергивает читательское сознание из эгоистической микрооболочки его кругозора и вынуждает примкнуть к обобщающему авторскому макросознанию, дающему единый образ, который помогает читателю почувствовать себя, как частью этого посыла, так и адресатом.

Это решается благодаря тонкой двузначной метафоричности: «и разлетаются бабочки из-под гусениц / русские бабочки – не о чем беспокоиться...», и там же: «на вмятинах гусениц (...) он собирает крапивниц» (о танках). («Мальчику снится красивая летняя улица...»); или: «в стаде божьих коровок / затесался обычный телёнок...». («Отворотка на Волк...»); или эпитетами: «ненаглядные пособия», «монохромная страна» («За железными засовами что ни век – идёт война...»).

Стихи книги «Страна» как светло-синие «контурные карты», на которые внесены «прошлое и настоящее, страны, города и сёла» разноцветными карандашами: «красным, жёлтым и оранжевым, чёрным, серым и зелёным», причём страны – это разные облики одной и той же меняющейся страны. Нашей страны.

Одни стихи бьют в сердце, вызывают чувства радости и грусти, другие – заводят механизмы разума, порождают размышления, фантазии на тему, третьи – вызывают ностальгирование по советским временам, по искренности людской, честности родительской и правде детской, которые укрылись и дремали в каждом читателе до волшебства, происходящего во время чтения «Страны». Волшебство книги и в «троллейбусах в молоке», и в «облаках на полочке» в синем небе над берёзами, рябинами и осинами, которые теперь лишь «изображают лес» в России, потому что страна – другая: «Вот моя страна – флисовая кофта (...) грустная она, а другой не хочешь (...) сторона-страна, ничего такого. («Вот моя страна – флисовая кофта...»).

Стихи читаются быстро, даже легко, хотя они и не лёгкие как облака, описанные в них, – а из-за читательской солидарности с автором. Мы все живём в этой непонятной «стороне-стране», где-то на отворотке от нормальной жизни. Вот почему бумага автора «терпит, но тихонечко скулит», потому что на неё ложатся слова боли, сомнений и надежды, вплетённые в изящное вологодское кружево поэтического

языка Наты Сучковой.

Мотивы рыцарства в лирике Михаила Жаравина

Написанное им действительно саднило, как рана, это чувство, возникшее при первом столкновении, оно потом никогда не проходило. И грустно, и горько, и неизбежно.

Галина Щекина.

Известно, что Михаил Жаравин испытал на своём сердце и поцелуи счастья, и тиски горя, отчаяния и душевной муки, рана от которых мироточит до сих пор в его произведениях. А почему? Потому что, автор, прожив нелёгкую, короткую жизнь, успел сотворить уникальные, актуальные на все времена произведения, в которых затрагиваются морально-этические вопросы философии, веры, высших духовных ценностей человечества, межличностных отношений и отношений человека и природы. Творчество писателя из маленькой деревни Вологодской области, составляющее теперь его наследие, любовно оберегается друзьями-соратниками по Лито все последние годы: писателями, родственниками, неравнодушными земляками, и изучается уже далеко за пределами области.

Воспитывает и учит – проза. Будоражит и восхищает – лирика, миссия которой и стала объектом данной работы,

а рыцарские мотивы в ней – предметом поиска. Поэтому выдвинем предположение, что именно рыцарские мотивы подпитывают любовную лирику Михаила Жаравина. Тогда способом литературоведческого исследования изберём сравнительно-сопоставительный метод, вернее, его частичное применение, так как исследуемый объект принадлежит авторству одного конкретного человека, а сравниваемый состоит из нескольких образцов средневековой провансальской куртуазной поэзии, литературно-исторического явления двух столетий. Целью же работы является раскрытие читателям незатронутых ранее особенностей любовной лирики Михаила Жаравина, а именно, рыцарских мотивов.

Ранее в стихотворную мастерскую Жаравина заглядывали его современники, писатели, критики, учителя русского языка и литературы, чьи статьи и посвящения вошли в сборник «Сердечная рана», содержащий двадцать пять рассказов, три повести, сто девять стихотворений и письма. – Сборник, изданный уже после смерти автора в 1998 году усилиями писательницы Галины Щекиной.

Ирина Головина убедила, что «поэзия Жаравина очень личная, даже дневниковая. Герой максимально приближен к автору, вместе с ним страдает, мучительно размышляет о своём месте в жизни и литературе... Тоска по любимой, трагическое переживание распада семьи, сиротства детей при живом отце – сквозные темы лирики Михаила Жаравина» [1].

Нина Веселова объяснила возможные причины ненависти автора к несовершенным, с его точки зрения, стихам, черновики которых им уничтожались: «Вот и метался он, путался в любовях, пытаюсь облегчить сердечную рану. Добрым-то людям казалось, что из неё хлещет обычная дурная кровь, а это была – литература, пропитанная кровью...». Сущность поэзии Михаила Жаравина и творчества в целом она усматривала в движении его души к свету: «Он давно уже смотрел не под ноги, как большинство вокруг него, а в небо, и верил втайне, что он «мог бы осветить потухшее пространство» [2].

Галина Щекина охарактеризовала его стихи так: «Они обжигали меня горячей жалостью, они беспокоили меня, а чем – я не могла понять... Однако от этого невозможно было отмахнуться». Галина Александровна принесла стихи Михаила Жаравина в редакцию газеты «Вологодский подшипник» с таким предисловием: «Путь к творчеству у каждого свой, а первая искра часто высекается из таланта страданием...» [3].

Сергей Фаустов в статье «Бросилось в глаза», посвящённой символам часто встречающимся в прозе поэта, отметил: «Я вот сейчас пишу о жаравинских стихах, потому что они потрясающим, поразительным образом высветляют (именно!) образ человека, которого уже нет» [4].

Поэт Валерий Архипов в стихотворении-посвящении Михаилу Жаравину констатировал бессмертие его творчества: «Ты всё-таки выжил в стихах и рассказах, / на снимках – /

Для тех, кто любил, ты был друг, / для других – невидимка...» [5].

Возможно, лично знавшие Михаила Жаравина исследователи, переживая собственную утрату, старались рассказать читателю, указывая на видимые мотивы творчества, что это был за человек, какого масштаба писатель, и как сильно и искренне он страдал.

Но более ёмко охарактеризовали панораму особенностей лирики Жаравина исследователи спустя время.

Рассмотрим обнаруженные и основательно проработанные ими темы и мотивы, проанализировав более сорока статей сборника, изданного в 2019 году в Вологде и посвящённого 60-летию со дня рождения автора «Михаил Жаравин крупным планом». Убедившись, что до сих пор слово Жаравина «жжёт» сердца почитателей его таланта, перечислим следующие примеры находок.

Дмитрий Ермаков обобщил предпосылки для идейной сердцевины прозаических произведений: «И не за себя он страдал, и не о своей боли писал, но со своей личной болью за весь народ болел» [6], – подчёркивая преимущества прозы перед поэзией.

А Екатерина Смирнова представила образы природы, как вспомогательные, а в «выражении своих чувств через природу» [7] – выявила схожесть черт жаравинских пейзажей с чертами классической русской литературы.

Татьяна Жукова заострила внимание на теме трагическо-

го мироощущения поэта: «Вместе с Михаилом переживаешь его страдания, его болезни, его разлуку с любимым человеком, с любимым ребёнком» [8].

Ольга Коротина, рассмотрев жанры лирики, пришла к выводу: «Поэзия Михаила Жаравина имеет богатый и сложный состав»: гражданская, пейзажная, любовная, философская, значение которой – в «сердечной ране», как в диагнозе. «Будто убита в человеке какая-то часть его существа (вера? надежда?), и не живёт этот герой, а доживает, торопит свой конец» [9].

Анна Труфанова в статье «Лирика Михаила Жаравина. Моё прочтение» воссоздала портрет лирического героя – это: «человек огромного духовного и душевного богатства. Он может быть смешным, грустным, скрытным, замкнутым, но всегда искренним и глубоко чувствующим. А самое главное, он умеет любить, горячо, беззаветно. Пусть даже безответно». А. Труфанова, анализируя стихотворение «Животы сугробов похудели», близка к идее рыцарства в описании женского образа: «Автор рисует образ прекрасной девушки, которая не просто улыбается, а обжигает встречного своей улыбкой...» [10], но объясняет поведение героя властью над ним природных сил – «капелькой весеннего тепла».

Ольга Шопырева, сравнивая поэта и прозаика Жаравина, назвала поэзию «приземлённой»: «поэт часто опускается до бытовых, порою незначительных деталей, с упоением и почти документальной дотошностью описывает личную

жизнь...». Характеризуя основную тему лирики, автор статьи указала на «конфликт между лирическим героем и его возлюбленной...», и на «конфликт героя с самим собой», а также объяснила причину творчества поэта: «печаль ему необходима, она играет для него роль вдохновения... Ни страх смерти, ни сладость любви, ни слава – ничто не может для многих авторов встать вровень с вдохновением» [11].

А Валерий Анохин в философском отклике на книгу «Сердечная рана» поразмышлял о жизни тела и души писателя: «Душа же устремилась к той, которая подобно русалке манит к себе. К призраку. К недостижимой высоте...» [12], он тоже приблизился к нашей позиции, но завершил рассуждение гипотезой о желании писателя услышать «Божественное слово».

Анализ исследовательских работ, вошедших в сборник статей, показал, как глубоко были изучены прозаические и стихотворные произведения Михаила Жаравина. Но рыцарские мотивы в лирике исследователями так и не были обнаружены.

Мотивы рыцарства в лирике Михаила Жаравина.

Не отрицая предположения, суждения и умозаключения вышеупомянутых авторов, и не оспаривая их – докажем, что рыцарские мотивы в лирике Михаила Жаравина имеют место. И открыто или тайно подпитывают тему любви.

Первое стихотворение в сборнике «Сердечная рана» (С.

298) [13] настраивает нас на нужный регистр восприятия:

Дождёмся снега – он закроет раны,
Земля и души родственны вполне.
Мы чем-то наполняемся извне,
Когда перед собою цели ставим,
Когда летим по Млечному пути
К своей звезде далёкой, но прекрасной,
Когда идём тропинкою опасной,
Ещё не зная, что там, впереди.

Это стихотворение – как девиз, как напутствие самому себе и таким же как он – лирический герой Жаравина. Он отважен, отправляясь ли в путь «тропинкою опасной», или к своей прекрасной «звезде» – он полон надежд и вовсе не наивен. Как воин перед очередным боем с судьбой, с вечностью – он верит в порыв и достаточность собственных сил перед житейскими препятствиями на пути. Он ищет любовь, силу – той которой постоянно мерцает то в прошлом, то в будущем, но это – недостижимая мечта, как звезда, прекрасная и далёкая, к которой хочется приблизиться. Отсюда и мощность в стремлении постичь любовь и пережить её заново.

Рассмотрим, как любовь к женщине движет лирическим героем, готовым на всё ради неё. Отсюда и аналогии между одной из основных тем лирики нашего современника и идеей рыцарства средневековой поэзии о подвигах придворных, воспевающих возвышенные чувства к даме как к Мадон-

не. Идея эта воплощается в воссоединении черт Богоматери и земной, живой женщины в едином образе Прекрасной Дамы. Поэтому, чтобы чётче представлять, с чем именно сравнивается любовная лирика Жаравина, укажем характерную черту куртуазной поэзии – это преклонение героя перед образом Дамы сердца в песнях и балладах трубадуров, ради взгляда или прикосновения которой, рыцарь готов был умереть, за любовь которой безропотно мог пожертвовать своей жизнью. Как, например, в песне Саркамона (С. 98) [14], странствующего рыцаря и автора семи куртуазных кансон (лирических песен), в одной из которых «Ненастью наступил черёд...» – есть такие строки:

...Затмила мне весь женский род
Та, что в душе моей царит.
При ней и слово с уст нейдет,
Меня смущенье цепенит,
А без нее на сердце мгла.
Безумец я, ни дать ни взять!..

А в лирике нашего современника атрибуты жертвенности ради любви также весомы: «Я значение слова свожу до нуля, / Мне гораздо важнее глаза или руки...» (С. 323) [13].

В рассматриваемом нами контексте образ жаравинской «Прекрасной Дамы» – это образ земной женщины, подарившей когда-то свою любовь лирическому герою, исчерпавшуюся по объективным причинам. Это образ женщины, кото-

рую он иногда обожествляет, поскольку испытывает к ней сильнейшее чувство, множась то из-за разлуки с ней, то от случайных и кратких встреч. Образ её присутствует в нескольких стихотворениях, но на расстоянии от героя, например, в следующих строках:

...Но где-то из-за рамы смотришь Ты

На этот дождь и думаешь, наверно

(...)

И значит. Ты из дома не уйдёшь.

А я иду к Тебе бы... но не знаю,

Где Ты живёшь... (С. 312) [13]

Или:

Пройдёшь – и мне становится теплей,

Но домик твой окутывает тайна —

Забор из шелестящих тополей.

Знать, тополя мне надобно спилить,

Чтоб на себя вниманье обратить! (С. 310) [13]

Описание возвышенных чувств к женщине редки, но про-никновенны. И поэт порой использует самоуничижительные интонации в монологах лирического героя. Словно он пытается подчеркнуть разность между ними. Например:

Я без цветов, помят, небрит и пьян.

Не обижайтесь, я такой честнее... (С. 299) [13]

Или:

...Я дошёл бы пешком до Стамбула,
а может, Каира,
Только б встретилась та, без которой
нельзя не пропасть. (С. 304) [13]

А также в стихотворении «Я носил бы тебя на руках...» (С. 299) [13]:

Я носил бы тебя на руках...

Мне на это хватило бы силы,

На руках и до самой могилы...

Представляется, что лирический герой – недостоин своей Дамы или находится в активном поиске таковой. А, возможно, отвергнут, брошен, изгнан...

Схожее чувство испытывает герой Гильема Девятого, автора «покаянной песни» «Желаньем петь я вдохновен...» (С. 102) [14], о вынужденном походе феодала с юга Франции на чужбину, которая начинается так:

Желаньем петь я вдохновен

О том, как горем я согбен:

Не к милым доннам в Лимузен —

В изгнанье мне пора уйти!..

В стихотворении Жаравина «Портрет семейный убрала в комод...» повествуется о женщине, которая готовится к свиданиям, отправив ребёнка к бывшему мужу: «...Подвинула на середину стол, / Поставила свечу, вино, заку-

ку...» (С. 315) [13]. Автор описывает нескольких приходящих к ней в гости, предполагая, что жизнь у неё несчастливая.

А в поэзии трубадуров есть «Безымянные песни», близкие к фольклорным песням о несчастливом замужестве. Например, это песня о жене, уставшей от мужа и мечтающей о возлюбленном, с которым она ждёт встречи – «Я хороша, а жизнь моя уныла...»:

Я хороша, а жизнь моя уныла.

Мне муж не мил, его любовь постыла.

В любви дружка – одна моя отрада... (С. 94) [14]

В стихотворении Жаравина «Сказать все прямо...» повествуется о встрече влюблённых, одна из которых – несвободна и пожелала вернуться к мужу:

...И мы вдвоём с тобой в зелёном поле,

Как два щенка, промокшие насквозь

(...)

Истосковалась, прежним извелась.

Я чувствовал, что старое дороже!.. (С. 314) [13]

А в «Безымянных песнях» трубадуров о возлюбленных, дорожащих каждой минутой, перед неминуемым возвращением Дамы к мужу:

Боярышник листвою в саду поник,

Где донна с другом ловят каждый миг:

Вот-вот рожка раздастся первый клик!

Увы, рассвет, ты слишком поспешил... (С. 88) [14]

В стихотворении Жаравина, посвящённом О. Смирновой («Быть первой у тебя – как это мило»), звучит мотив невозможности воссоединения с любимым: «Быть первой у тебя – как это мило, / Тем более, когда сама любила. / Неравенство – оно моя беда...». (С. 340) [13]

Эти слова перекликаются со словами песни трубадуров «Глядя на зелень лугов...», которая повествует о «разъятom» любовью сердце:

...Мукой любви я объята.

Скорбь за мечту мою плата,

Удел мой таков

(...)

Сердце любовью разъято...

Если доньше дружка

Донна еще не любила,

То не страдала пока... (С. 90) [14]

Образ лирического героя, мучимого страстью к недостижимому идеалу женщины присутствует в следующих стихотворениях и т. п.: «Не говори мне, брат, о ней...»

...Не торопи искать другую.

Когда коню заменят сбрую,

Он может в кровь стереться в ней.

Да кто же станет мне родней... (С. 317) [13];

«Я был готов помчаться за тобой»
...Но я стоял оглохший и немой.
И кувыркалась раненою птицей,
Наперекор попытке разозлиться —
Моя любовь вдогонку за тобой... (С. 321) [13];

Или в стихотворении «Я болею тобой...»
...Я умею грустить незаметно,
Горячо беззаветно любить...
Даже если люблю безответно.
А иначе не стоило б жить. (С. 325) [13].

Таким образом, даже при поверхностном текстовом сравнении некоторых образцов лирики Михаила Жаравина и песен средневековых трубадуров обнаруживаются общие черты темы любви. Это и сходства в постановке проблемы — невозможность гармоничного воссоединения с любимой; и последовательность в описании переживаний лирического героя (героини) по этому поводу; и схожий драматический рисунок несчастливой судьбы героя с большой вероятностью печального исхода. Поэтому в заключение остаётся лишь подтвердить, что мотив рыцарства питает любовную лирику Михаила Жаравина, так как он универсален и бессмертен (примеры его влияния можно отыскать в поэзии большинства мировых классиков).

И хоть истоки возвышенной, платонической любви к женщине находятся в душевном благородстве любого лирика, куртуазный мотив Жаравина разрастается и укрепляется посредством выражения душевных страданий автора в кризисных семейных обстоятельствах, отражённых в автобиографичных стихах через образы отчаяния и откровения лирического героя. Этот мотив подкрепляется невозможностью обретения полной взаимности героя с возлюбленной, и даже отказом от неё ради неё самой, ради её покоя и благополучия. Как и в стихах провансальских трубадуров о возлюбленных, разлучённых классовым неравенством.

Рыцарские мотивы в литературе – вечны. Они навевают мечты, внушают надежды, дарят силы, и поднимают образ Прекрасной Дамы на небывалую высоту обожания.

Лирический герой Михаила Жаравина не бьётся на турнирах, не погибает ради чести Дамы, но он жертвует собой другому. Он делает всё, чтобы его возлюбленная была счастлива, даже ценой его несчастья. Мотив жертвенности в поэзии Михаила Жаравина является одним из основных. Благодаря этому нашего современника можно считать вневременным поэтом. А чем это объясняется, если не силой мужской любви, возведённой в превосходную степень? – Силой и талантом автора, преклоняющегося перед образом женщины, как ради совершенствования черт лирического героя-страдальца, так и ради динамики поэтического мастерства.

Сегодня всё поставлено на карту...

Позвольте мне уйти, сказав «люблю»!

Не буду портить вам Восьмое марта! (С. 299) [13]

Список литературы:

- Головина, И. В поисках своей звезды // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине – Вологда, 1998. – С. 370—378.
- Веселова, Н. Неразделённое // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине – Вологда, 1998. – С. 365—370.
- Щекина, Г. Печальный перекрёсток // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине – Вологда, 1998. – С. 381—405.
- Фаустов, С. Бросилось в глаза // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине – Вологда, 1998. – С. 405—408.
- Архипов, В. «Мы падали вместе...» // Сердечная рана: Посвящения – Вологда, 1998. – С. 413.
- Ермаков, Д. Сжатое время Михаила Жаравина / Д. Ермаков // Михаил Жаравин крупным планом: сб. статей. – Вологда, 2019. – С. 49—58.
- Смирнова, Е. Пейзаж в произведениях Жаравина / Е. Смирнова // Михаил Жаравин крупным планом: сб. статей. – Вологда, 2019. – С. 129—140. (список дан в сокращении).

Нина Писарчик

Родилась в г. Вытегре Вологодской области, работала редактором в Вытегорской районной библиотеке, затем библиографом в библиотеке Вологодского университета (ВГУ). Дополнительное образование – литературные курсы при МО СПР в 2010—2011гг. (курс критика Михаила Бойко). В настоящее время занимаюсь редактурой и корректурой литературных произведений, литературной критикой.

Феномен вологодской прозы

Интервью газете «Комсомольская правда»

К.П.: На Вологодчине много пишущих – с чем это связано? Поддерживается ли это властью и обществом?

– Феномен обильного литературного творчества на Вологодчине расцениваю, как остаточный эффект повышенного внимания со стороны прежних (советских) властей к Вологодской писательской организации. Именно провинциальная Вологда, равноудалённая от обеих столиц, стала «местом силы» для писателей-поэтов – «народников» и «деревенщиков», в лучшем смысле этих слов. Без воли властей ничего бы не было – ни писательских квартир, ни творческих поездок и командировок, ни многотысячных изданий, ни централизованной сети их реализации. Новая революция, политическая и экономическая, разгромила этот «оазис», порушила «оросительные каналы», но семена-то уже упали в почву. И новая поросль литераторов самостоятельно пробивается сквозь корку равнодушия современной власти.

К.П.: Ситуация с журналом «Вологодский ЛАД» – его выпуски ограничили – один раз в год. Как вы считаете – это достаточно?

– Конечно же, область, имеющая мощную металлургическую и химическую промышленность, подшипниковое производство и прочие мануфактуры, торгующая активно с заграницей, тем же лесом, не в состоянии содержать единственный на область литературный журнал. Тем, кто принимал решение о выпуске «Вологодского Лада» один раз в год, видимо, этого достаточно.

К.П.: Вы активно действующий критик, с большим интересом наблюдаете за современной литературой. Как выгля-

дит вологодская проза сегодня?

– Невозможно отследить весь литературный поток, даже в размерах Вологды. Никогда не делю авторов по принадлежности к разным Союзам и течениям. Тем и хорош упомянутый альманах «Лад», что публикует достойных, невзирая на их «союзность». Моё внимание более привлекают начинающие прозаики, и неважно, в каком возрасте они начинают. Знаю успешных поэтов, ставших затем прозаиками. Например, Ольга Кузнецова, журналист, поэт, пишет замечательную современную прозу, недавно вышла её вторая книга «Цветные карандаши». Предыдущая, «Пастораль» была издана в серии «Том писателей» ВО СРП, отдельные рассказы публиковались и в СМИ, и на сайте «Проза.ру». Замечательно начинала в художественной прозе журналистка Наталья Мелёхина, что отразилось в её книжке «Медведь с заплатой на ухе». Одно из новых имён – Павел Громов. Его первая книга рассказов «Is Интернета» выпущена с помощью ВО СРП. Волей-неволей Вологодское отделение Союза российских писателей постоянно упоминается мной в этом интервью. С интервалом в полгода прошли два семинара, адресно – для начинающих авторов. В ноябре 2017 года – традиционные семинары поэзии и прозы – в программе очередного фестиваля «Плюсовая поэзия». В мае 2018 – объединённый семинар победителей, как итог литературного конкурса «Словарный запас» для молодых авторов всего Северо-Запада. Не только Вологодской, но Архангельской, Кали-

нинградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа и города Санкт-Петербурга. Как эксперт двух последовательных семинаров прозы, скажу, что в вологодской литературе появились совсем новые имена: Мария Герасимова (Вологда), уже выпустившая книгу «Первое отражение» в качестве приза за победу в этом конкурсе, Александра Антушевич (Череповец), Мария Багирова (Вологда), Светлана Чернышёва (Вологда). Должна заметить, что проза начинающих авторов стала значительно качественнее современной молодой поэзии.

К.П.: Нина Викторовна, вы – эксперт многих литературных мероприятий для пишущих, конкурсов и семинаров. Какие ошибки у начинающих?

– Для меня основные критерии, по которым можно судить о произведении – это идея и язык. Идея (генеральная мысль) – авторский посыл, заставивший рассказать нечто своё. Неверный посыл – когда автор ищет, о чём бы таком рассказать... Язык – набор приёмов, свойственных данному автору, отличающий его от прочих. Самое сложное, даже для очень талантливого автора, – наработать собственный, уникальный язык. Это «фишка», отличающая писателя от автора текстов. Ошибка начинающих – писать усреднённым литературным языком образованного человека.

К.П.: Это ремесло одиночек, или нужны союзы, студии, литобъединения?

– Писательский Союз должен быть сродни профсоюзу, но не формальному – а с государственной финансовой поддержкой. С другой стороны – государство не должно вмешиваться в творческий процесс. Насколько утопична такая идея? Видимо, писатели нуждаются в творческих союзах, раз они существуют до сих пор и даже создаются новые. Вот литературные студии и ЛитО – точно нужны! Где ещё пишущим людям обменяться мнениями?..

К.П.: Если бы в далёком 1996 году Галина Щекина не увела из-под влияния старой вологодской школы молодёжь – как бы вологодская литература выглядела сегодня?

– Да, «пассионарием» оказалась именно Г. А. Щекина. Её инородность в вологодской среде того времени сыграла решающую роль. Носительница другого языка (южнорусского), иной культуры и более яркого темперамента, ... – отрицание ею сложившейся писательской школы не могло не иметь последователей, так как изменения происходили повсюду. Пишущая молодёжь искала новые формы самовыражения. Не образуйся в Вологде, инициативой Галины Щекиной, альтернативный писательский Союз, она (молодёжь) стала бы искать поддержки и одобрения за пределами родного города, многие, возможно, покинули бы Вологду или бросили творческие попытки. Могло быть – нашёлся бы иной активный товарищ здесь, или ВО Союза российских писателей было бы организовано инициативой «сверху», из Москвы. Случилось, как случилось, потому что пришло время.

Александр Соколов

Член РОО «Вологодский союза писателей-краеведов», педагог дополнительного образования, предмет «Основы стихосложения», Литературно-поэтический хобби-класс «Сонет», Вологодская областная библиотека, Юношеский центр им. В. Ф. Тендрякова.

Перистые замыслы

(Валерий Сеницын. Альманах вологодских писателей-краеведов

«Храни огонь родного очага... Вологда, 2018)

«умри но семена перистых замыслов оставь тому кто после нас...» /В. Сеницын/

Впервые познакомился с творчеством Валерия Сеницына по Антологии поэзии Вологодского края. XXI век. «Чудь» в 2012 году. По графике – стихи необычные – нетрадиционные, все они с незаглавных букв. В литературе такая графика не нова. Впервые её применил ирландский писатель Джеймс Джойс в романе «Улисс» в 1903 году, в котором все начала предложений написал с незаглавных букв и не использовал знаки препинания. Такая графика стала модной в современной поэзии. В 2018 году подборка стихов Сеницына вышла в Альманахе вологодских писателей-краеведов «Храни огонь родного очага...». Привлекли меня в подборке философские мысли автора: «умри но семена перистых замыслов // оставь тому кто после нас...».

Решил проанализировать: на чем же строятся, и что хотел сказать автор в своих стихах.

А отличаются стихи Валерия от стихов классиков тем, что они написаны свободным стихом – верлибром, то есть, не имеют строгой метрической формы и рифмы, а если она где-то и присутствует, то – неточная или случайная. Верлибр в России приобрел особую популярность в эпоху Серебряного века. Но, и как видим, его используют и современные авторы и Валерий Сеницын:

твой свитер
был овечкой где-то

гулял и выпасался
на горных пастбищах
и маков цвет
и щавель дикий кушал
и пил хрустальных вод
нектар...
состарился
весь выцвел
облысел
но вспомни сколько лет
от холода спасал...
Ты распусти зацепы
И сохрани его душевно
Хотя бы в виде безрукавки

А ведь хорошо! Чем-то напоминает по стилю написания верлибр Александра Блока «Она пришла с мороза». В нём явно присутствует поэзия. На первый взгляд, может показаться, что это проза, записанная столбиком. Но нет. Это стихотворение! На чем же строится оно? А строится на повторении сменяющих одна другую фонетических сущностях разных уровней:

Слове – «облысел», «нектар».

Паре слов – «от холода спасал», «и маков цвет», «твой свитер».

Фразе – «и щавель дикий кушал», «ты распусти зацепы».

Параллелизме интонации. То есть, предложение поделено на смысловые отрезки, которые разнесены в разные строки.

Что же роднит данный текст Синицына со стихотворением? Почему это не проза?

Первое: изображение текста стихотворное: графически – столбиком.

Второе: написано по правилам классического стихосложения и сохраняет целый ряд стихотворных признаков, таких как: разбиение текста на строки (стихи) разной длины.

Межстрочные паузы при чтении. Константные ударения в конце каждого стиха.

Есть ввод в стихотворение – «твой старый свитер».

Раскрыта тема – старый свитер.

Есть и концовка стихотворения – ненавязчивое предложение, вывод из сказанного «сохрани его».

И смысловая связь слов, фраз и предложений.

Какую внутреннюю энергию несут стихи Валерия? Это мысли и чувства. Эмоции. Короткие ёмкие высказывания, напоминающие вспышку кинокамеры, черно-белый фотоснимок. Они в основном статичны, реже динамичны, в них запечатлен короткий миг жизни персонажа или лирического героя.

Стр.396 (бабушке)

твои ласки —

шелест сухой травы

ветерка порывы

в чердачном окне
среди сумрака
и старинной пыли...

Или стр. 398

этим воздухом дышали предки
паром в бане был
мартеновским огнем
засухой морозом палом...

Большинство представленных стихов – это
эмоциональный отклик на стихи других авторов.
Ольги Фокиной (стр.404)

Ваши стихи как вспаханное поле
глаз радуют
всегда свежи
весной волнистые пласты
ликующе блестят
парящими крылами
взлететь готовы

Лидии Тепловой (стр.405)

то поднимается
то опускается
тишина на земной плетень
горчит запах трав

волнует сруб колодца
...вон рядом на кочке
морошка светится воском
глухарь с картечью в зобе...
глухарка
лети моя милая
от сглаза
людского глаза

Павла Васильева (стр.410)

у меня на сердце полынь да песок
керосиновой лампой
опалённый Прометей
коснулся золотого разбега
россыпи твоих лёгких кудрей

Стихи образны. Образы абстрактны: «твой голос – // седых фолиантов // заветный тлен //на страже паучьей тины // колышется едва-едва // воспоминаний руины...».

Или: «... чтоб ожили //а капелла мостов над Невой // пышногрудой в аранжировке // набережных // дворцов // арок запыля // проспектов карусель // какофония бестолковых толп // колоннад дивертисменты // меланхолия в рычании львов...». – Здесь прослеживается явная амплификация – нагромождение однородных речевых компонентов. И она является стойким признаком его стихов:

пахнет персиком в лучах
обжигающих как розги
тяжелеют ветки груши
яблони кладут поклоны
вишни с хитрецей глядят
сыплет пригоршнями злато абрикос
зизифкс рьяно
зазывает перезвоном
бьёт орех нескупо оземь

А кроме того, частым лексическим приёмом стихов Валерия является выразительное несовпадение синтаксического членения стихотворной речи – синафия, когда часть интонационно-синтаксической единицы переносится из одного стиха в другой, в следующий или предыдущий:

пахнет персиком //
в лучах обжигающих как розги
тяжелеют ветки груши

Этот приём не всегда удачен и уместен, ибо перенесённое слово и отсутствие знаков препинания, путает мысли читателя. Сравним перенос М. Лермонтова:

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарён. Река
Бежит внизу по камням с быстротой...
Здесь всё ясно и понятно в содержании.

Не менее важной чертой творчества Сеницына является антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевлённые предметы, явления и силы природы: «яблони кладут поклоны», «вишни с хитростью глядят», «волнуется сруб колодца», «избы – старятся, чадят» и т. д. Делается это, по-моему, с целью придания предмету или явлению большей образности, большей значимости, придания большей убедительности сказанному, и чтобы уйти от обыденности речи, которая присуща многим авторам.

Антропоморфизм придаёт произведению живость, динамику, энергию. Она обостряет чувства, усиливает впечатления, и более точно передаёт оттенки настроения.

Одушевления не идут в противовес лирическому герою, а дополняют и обогащают образ.

Философских размышлений о жизни автор не обошёл стороной в своем творчестве:

когда чего-то ждёшь
то время замедляется
как будто
хоть шагом мерь его
хоть бегом
оно неспешно
оно своё возьмёт
ему известно... (стр.398)

Или

но самое святое
когда средь холодов ростки
ещё слепые зелёные отчаянно-младые
под снег уходят
озимые... (стр.404)

Или

умри но семена
пречистых замыслов
оставь тому
кто после нас (стр.390)

И, по-моему, этим сказано много, и достаточно много:
назначение поэзии – сеять семена доброго, чтобы они
проросли в наших потомках.

Сергей Фаустов

Критик Сергей Фаустов (Щекин) родился в Вологде, 21.04.1948г., окончил Северо-Западный заочный политехнический институт, работает по основной профессии на различных кафедрах Вологодского технического университета (с 2014 ВоГУ) более двадцати лет.

Основой для его литературных занятий послужили материалы ЛитАртели «Ступени». Автор идеи выпуска около ста вологодских пресс-релизов «Ступеней». В 1997 вышла книга его оригинальных эссе о вологодском андеграунде «Харизма вологодской литературы». Другая книга читалась еще в рукописи – «Гипотеза поэзии». Член Союза российских писателей с 1998. Председатель Вологодского отде-

ления СРП с 2003 по 2007.

Дипломант сетевого конкурса «Тенета», номинатор сайта Стихи.Ру. Публиковался в местной периодике, в альманахах «Стрекоза», «Свеча», а также в журнале «Октябрь».»«Гуманитарные эксперименты» – книга эссе, сделанная в рамках проекта Н. Сучковой «Том писателей». С 2017 С. Фаустов председатель премиальной комиссии литературной Премии «Эхо».

Мера против и за

Мария Суворова несколько лет была активным участником литобъединения «Ступени» и одно время даже соведущей. Сейчас она занимает видное место среди российских поэтов, была неоднократным лауреатом всероссийских конкурсов. Ее отличает внутреннее напряжение смыслами, тревожная недосказанность, открывающая поэзию, которую следует увидеть.

Одно из главных свойств поэзии Марии Суворовой заключается в том, что

после прочтения ее стихотворения иногда возникает потребность пересказать его для себя своими словами, то есть перевести на прозаический язык, чтобы выявить «непереводимые» моменты – в них и заключена поэзия. Рассмотрим первое стихотворение.

Пересказываем его. «Чайки носятся над рекой ранней весной. Все люди сидят у себя дома безвыходно – этой весной началась эпидемия коронавируса (это мы от себя добавляем). Что будет, если мы заболеем и умрем? Похоронят? Забудут, все покроется тополиным пухом, как снегом? Голова кружится от этой мысли, а внутри растет сопротивление такому печальному исходу, а в чайках видится что-то зловещее и грозное. Находясь в запертом состоянии в четырех стенах, есть надежда, что кончится эта эпидемия-буря, и что делать потом, когда остается так много энергии, что делать с самой собой?»

Таким риторическим вопросом заканчивается стихотворение. Коронавирус

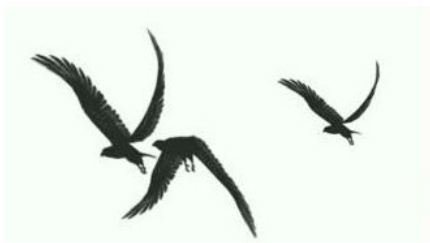
заставляет прятаться, но не придает смысла этому действию. Не дает ответа на

вопрос – что делать, и как делать, и вообще, зачем. Стихотворение о самоизоляции несет в себе философское содержание. Первый вопрос – может ли поэзия помочь в чем-то во время эпидемии, может ли философия помочь во время эпидемии? «Перестань беспокоиться о вещах, которые находятся вне нашей воли», – сказал Сенека (или как это ему приписывается) в своей молитве, – Боже, дай мне безмятежность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы всегда отличать одно от другого».

Читаем в стихотворении:

рядом с моим домом
делает поворот река
до излучины будет не многим больше
метров ста
но если меня не будет
будет ли тишина
и если тебя не будет
что тогда

Если река жизни (в стихотворении именно этот смысл) делает поворот, то страшно становится за последствия этого поворота. Метафора пугает сильнее реального факта. Образ пугающих птиц из фильма Хичкока в стихотворении приобретает дополнительный ужас: «в облаке чаек есть что-то дикое и грозное я же слышу это». Действительно, достаточно одного мгновенного взгляда на чайку, чтобы увидеть зловещий знак и смысл нависшего надо всеми коронавируса, как это видим мы на картинке с чайками и логотипом вируса. Чайки олицетворяют коронавирус!

Страх парализует до такой степени, что простое описание завтрака или ужина в стихотворении минимизируется до почти бессвязного перечисления нескольких слов:

завтракают
сок апельсины
ужинают
вино

Здесь не хватает многих слов, нет связок и знаков препинания. Но читателю понятны авторские мотивы самоограничений – они от страха.

Очень важные в своей оптимистичности слова приведены в конце:

теплится где-то внутри
мера

всех против и за

Пандемия коронавируса порождает фундаментальные этические и

экзистенциальные вопросы. Вполне можно сказать, что поэты, наиболее действенные и актуальные в любой социальной группе, но, когда речь заходит о самоизоляции – она их питает. Поэты не могут предложить лекарства. Поэзия лучше всего работает во взаимоотношениях между чувствованием и реальным миром – с его «дикостью и угрозами». Поэтическое произведение может обеспечить иммунитет от необдуманных решений, потому что «теплится где-то внутри мера всех против и за».

Мы страдаем, потому что мы не можем управлять нашей собственной жизнью и судьбой. Мы подвержены бесчисленным причинам, по которым может измениться наша жизнь в любой момент. Большинство из этих причин вне нашего контроля. Пандемия делает это отсутствие контроля очевидным до головокружения.

В условиях такого состояния даже такие простые строки

что мне тогда делать с не заглушенным звоном
с кружащейся головой
сердцем в котором останется ровно
на целую жизнь крови
что мне делать

с самой собой

приобретают значение экзистенциальных смыслов. Вопрос в стихотворении поставлен, а ответа нет. Но он подразумевается, вот эти строки подсказывают:

след остаётся и след исчезает
мягкая тополиная кора
пухом как ватой медленно зарастают
улицы крыши трава

Так обновляется мир, в котором мы живем. И другого у нас нет. Мария Суворова написала стихотворение, благодаря которому мы, увидев чаек над рекой, будем знать, символом чего они являются. Но вспомним и сохранившиеся в памяти строки: «чайка крыльями машет и вперед нас зовет». Это слабое утешение перед лицом угроз.

И еще одно стихотворение Марии Суворовой. Я приведу его полностью.

Туман разбивается о бетон, бетонное море
Льётся рекой через город мой,
Переставший быть домом.
Спорят стоящие на берегу —
Моё всё вокруг или чужое...

Собака запрыгивает на корму:

Воет, воет, воет.

Закроешь глаза – и не молишься, и не видишь

Темно-зеленое облако, крымское

Предгрозовое.

Закроешь глаза, и спокойствие – беспредельно...

Как счетные палочки на столе чётки мои,

украденные из класса на параллели.

И волны проходят быстро, и катер уходит.

Собака уже молчит, а ветер надсадно ноет.

Но волны оближут губы,

И успокоят.

Весь мир состоит из камней,

А камни не знают боли.

Стихотворение состоит из трех катренов. В первом описан речной пейзаж, причем с использованием очень сильного фантастического выражения – «бетонное море», около которого люди стоят и спорят, а собака воет.

В третьем катрене продолжается повествование, начатое в первом – катер уходит, собака замолчала.

По сути, если б всего было два катрена, то было б одно

готовое стихотворение, как пейзажная зарисовка с большой долей грусти. Однако, автор между ними вставляет строфу, в которой, казалось бы, не видно никакой связи ни с предыдущим, ни с последующим. В нем описано видение с закрытыми глазами, причем они упоминаются два раза, потому что это очень важно. Здесь прослеживается психологическое состояние лирической героини с описанием странного темно-зеленого облака, очень далекого, крымского, предгрозового. Но оно не тревожит, по словам лирической героини, наоборот, оно как бы успокаивает до беспредельного спокойствия. И даже воспоминание об украденных из соседнего класса счетных палочках не вызывает угрызений совести от совершенного греха. Здесь внутренний мир лирической героини противопоставлен внешней не комфортной, тревожной среде. Понятно, что в этом внутреннем мире если успокоение достигнуто, то большой работой души – на это указывает моление, четки. Логика чувств: «Закроешь глаза – и не молишься, и не видишь», а откроешь, значит, – и молишься и видишь. Заключительные строки стихотворения – «Весь мир состоит из камней, а камни не знают боли» показывают, что часто бывает так, что чрезмерно сильная закалка сердца превращает его в камень.

В стихотворении доминирует скрытая рифма: «море», «воет», «ноет», «успокоят», «боли». Внутренняя рифма формирует прочный структурный стержень стиха, как шампур с кусками, и не надо заботиться, чтоб катрены (куски)

были одинаковыми. В своей естественности они все разные.

Существует много языков, есть обычный стандартный язык, на котором все говорят, дипломатический, и есть поэтический. В то время как стандартный язык – это система правил, которая представляет существующий порядок, поэтический язык всегда является продуктом восстания против этого существующего порядка в попытке создать новый порядок («лучшие слова в лучшем порядке», (с) П. Вайль), непредвиденный, неожиданный, но отвечающий художественной правде. Настоящий поэт всегда бунтарь. Он использует язык, чтобы подорвать существующую систему правил, стереотипы, и сформулировать новую систему правил, основанную на уникальности как поэта, так и читателя. Повторяю – и уникальности читателя тоже. В совместном восприятии поэтический язык способен выразить бунтарский анархизм, хаос, самоорганизующийся в художественный порядок.

Но волны оближут губы,

И успокоят.

Весь мир состоит из камней,

А камни не знают боли.

С точки зрения стандартного языка здесь все неправильно, а на поэтическом языке – шедевр.

Мария Суворова в своем творчестве все это прекрасно демонстрирует, но она идет еще дальше. Она придумала и использовала в этом стихотворении эффектный композицион-

ный прием, в котором повествование опять-таки нарушается введением фрагмента с описанием психологического состояния, пережитого в прошлом, что приводит к удивительному и неожиданному эффекту. Речь идет о второй строфе, о которой я уже упоминал.

Я сейчас сделаю эксперимент, гуманитарный. Делаю я это не ради игры, а, как и все эксперименты – для доказательства какого-либо умозаключения или гипотезы. Я возьму известное стихотворение из русской классики, если не первое, то второе попавшееся мне в Интернете, и применю для него тот же самый «суворовский» композиционный прием. Итак, сначала стих, потом назову автора.

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Теперь используем композиционный прием Марии Суворовой в вышеприведенном стихотворении «Полдень» Фёдора Тютчева.

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

Закроешь глаза – и не молишься, и не видишь
Темно-зеленое облако, крымское
Предгрозовое.
Закроешь глаза, и спокойствие – беспредельно...
Как счетные палочки на столе чётки мои,
украденные из класса на параллели.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Вторая строфа полностью объясняет и придает совершенно новое понимание финалу стиха, его уже невозможно читать с тем же выражением, как вначале. Теперь нам понятно, почему «дремота жаркая как туман» – появился психоделический эффект, понятно, почему Пан великий, почему он спокоен, хотя мы не верим этому спокойствию, оно какое-то слишком тревожное. Тревожность этого пейзажа более реалистична, чем у Тютчева.

Вернемся теперь к обсуждаемому стихотворению. Лири-

ческий герой, или героиня, стихотворения Марии Суворовой показал нам свое состояние – второй катрен, наполненный психологизмом, изменяет, буквально ломает личность лирического героя или героини. Строки «город мой, переставший быть домом» наводят на мысль о том, что лирической героиней предстает сама Вологда, которая не может назвать домом то, что сжигают, уродуют, бетонируют, мы ведь знаем, что происходит с реальным городом. Для «души русского Севера», как позиционируют Вологду, это пагубно. В этом смысле стихотворение наполнено гражданским пафосом, хотя его в тексте нет совершенно! Такой эффект возник от свойства, присущего самой современной поэзии, как говорят англичане «poetrybeyondthetext» – поэзия за пределами текста. Более того, стихотворению легко можно придать политический смысл. «Бетонное море» как идеологическое промывание мозгов, «крымский» – как фантом власти и рана на теле России, от которой каменеют сердца русских и украинцев. И можно вполне так его позиционировать, но это будет не расширением, а сужением смыслов. А они многочисленны, и это опять-таки свойство всей современной поэзии.

Одна из целей физических наук заключалась в том, чтобы дать точную картину материального мира. Та же самая цель у поэзии, и мы на примере этого стихотворения увидели, как это происходит.

При описании сегодняшней поэзии западные литературоведы используют слово «ризоматика» от французского «ри-

зома» – корневище. В конце прошлого века, это лет двадцать назад, был использован этот термин, чтобы описать какое-либо состояние, которое допускает множественную, не упорядоченную в иерархию систему. До этого вся поэзия была как дерево, двухмерное генеалогическое древо, из которого были понятны виды, ответвления и происхождения. У корневища же все переплетено, неожиданно, хаотично, трехмерно, часто непонятно, сложно, и допускает множественность толкований. В этом и заключен эффект поэзии за пределами текста при кажущейся хаотичности языка.

В России существуют премии за сохранение в поэзии традиций русской поэзии. Но нет премий за развитие поэтического языка, потому что часто, кроме самих поэтов, никто не видит этого развития и той ценности, что оно несет. Но именно Мария Суворова должна быть одним из первых претендентов на эту премию. Потому что вот уже второе десятилетие развивает поэтический язык. И приходится констатировать, что нынешние российские литературные критики не готовы к поэзии Марии Суворовой, они не знают, как к ней подходить, не знают, что она, ее поэзия, означает.

Мария Суворова их обогнала.

В подражание А. Пермякову

Галина Щекина

Писатель, журналист, поэт

Родилась в 1952 в Воронеже, там же закончила университет (экономфак). В Вологде с 1979 года.

Начала писать в 1985, публиковалась в местной периодике, газетах: «Книжное обозрение», «Дружба народов» (1996), «Литературная Россия»; журналах: «Журналист», «Вологодский Лад», альманахах «Илья», в литературном журнале «Стороны Света» (Нью-Йорк).

В 2008 вышли книги «Ор» и «Графоманка», в 2010 «Горящая рукопись».

Автор романов: «Тебе все можно», «Несвадебный марш».

Пишет прозу, критику, пьесы, стихи. В разные годы вышло пять сборников стихов.

Работала: экономистом, корреспондентом газеты, веду-

щей Гостиной в библиотеке, руководителем литературной студии «Лист»,

более десяти лет была старостой литартели «Ступени», основала молодежную литературную студию «Лист». Издавала журнал «Свеча», альманах «Листва».

Член Союза российских писателей с 1996, основатель Вологодского отделения СРП. Награждена премией фонда «Демократия» в 1996, памятной именной медалью Ильи Тюринна в 2007. Финалист премии «Русский Букер» в 2008. Секретарь Премии «Эхо». Участник Анчаровского движения.

Вспоминая Юрия Леднева

В декабре 2019 Юрию Макаровичу Ледневу исполнилось бы 90.

11 января 2020 ссорились члены Лито «Ступени», которое более 48 лет назад появилось на свет благодаря Ледневу. Решили вспомнить, кто что смог. Большинство его первых литовцев покинуло этот мир, в живых осталось мало. Но его облик рождественского дедушки с его доброй улыбкой и серебряной бородой – это не размывается временем.

Журналист и поэт, Леднев вписал в литературную историю Вологды яркую страницу и своим творчеством, и созданием литобъединения «Ступени», сейчас единственного в Вологде. Скольким он передал секреты ремесла, терпения и тепла! Он очень заботился о судьбе Нины Бахтиной,

Валентины Якуничевой, Михаила Жаравина, Ларисы Новолодской, Валерия Архипова, Юрия Каранина... Еще задолго до моего появления он опекал Ларису Мокшеву, Владислава Кокорина, Наталью Маслову, Вячеслава Белкова. Ведь именно с подачи Леднева я заинтересовалась судьбой Масловой и к 40-летию ЛитО собрала посмертный сборник ее стихов «Север мой серебряный». Сборник Масловой на торжестве 40-летия представила театральная студия В. Шахова и Т. Слинкиной (Центр Творчества детей и подростков).

Когда я впервые пришла на ЛитО при содействии Ольги Кузнецовой-Смирновой в конце 1988, там было два руководителя – Юрий Леднев и Михаил Сопин. Они затевали споры, они раскручивали публику. Я была новенькая, никого не знала, и никто меня не знал, а Леднев взял и прочитал мой рассказ выразительно и артистично. Ему зааплодировали. Я была поражена. Незнакомые люди стали смотреть на меня с интересом.

Именно Юрий Макарович Леднев добился моей первой публикации в газете «Красный Север» в 1989 году. Таких, как я, тогда не печатали.

Однажды я зашла к нему за рукописью рассказов про Басю, а получила еще и рюмочку, и хрусткий гриб на вилке... «Ты должна писать, – убеждал он, – и не конспект, не пересказ. А вотпрямо от сердца. Ты должна описать эту маленькую девочку. И как она вырастет». И мне пришлось вспомнитьсебя в детстве. Сначала-то я вспоминала, чтоб де-

тям рассказать, а потом – для книжки. В качестве рукописи рассказы про Басю рассмотрели на одном из семинаров Союза писателей России, это заслуга Леднева. Комментарии дали: Балакшин, Оботуров, Цыганов и сам Леднев.

Я послушалась совета и дописала еще несколько рассказов. В 1995 вышел первый вариант книжки «Бася или десять несказок про девочку» (типография ВПЗ). В этой бедной книге направо были четные, налево – нечетные страницы. То есть – все наоборот. В ней были нарушены все законы полиграфии. Рисунки Л. Старикова были прелестны... Но макет... Одна девушка, помню, защитила курсовую, описывая этот типографский брак. Я реагировала рыданиями, но зато рассказы не лежали в столе. Их понемногу читали люди.

Между нами не раз кошка пробегала, да к тому же черная, на 25-летию ЛитО «Ступени» в помещении картинной галереи (ныне отдел РПЦ). Это было огромное мероприятие с приглашением литераторов из районов. Четыре презентации новых книжек (точно помню, что одна книжка Андрея ГШироглазова «Когда кончается игра» и сборник Наты Сучковой, может, «Нежнейшая пытка»). На этом вечере состоялся исторический запуск Сергеем Фаустовым Птицы счастья. Он, запуская ее, сказал: «В кого попадет – тот прославится». И Птица упала на Клеопатру Тимофеевну Головань, которая потом прославилась фольклорными рассказами, как Татьяна Вертосельга! И по ней целый словарь создали. В раз-

гар праздника выступил отец – основатель и осудил наши попытки жить и писать. «Не туда пошли!» – заявил Леднев перед всей публикой. Я готова была провалиться от стыда. Все зашумели.

В машине, когда ехали в Кадууй, он, морщась, говорил, что на 25-летию все это сделал под нажимом Союза... Было понятно, что таковы обстоятельства... Иначе бы мы никогда не расстались... Я работала в журнале, который он начинал делать... Он стоял у истоков журнала «Мезон», где редактором стал И. Подольный. По следам той поездки в Кадууй я написала миниатюру «Сердце Свирида».

Но Сергей Фаустов сказал: «Я с Ледневым лично был незнаком. Вживую видел однажды, были у него дома с Г. Щекиной один только раз, я в беседе не участвовал. Фактов нет, о чем бы можно рассказать. Но я расскажу об ощущениях. После приезда в Вологду Астафьева я обратил внимание на вологодскую литературу. В. Астафьев учился на ВЛК у моего дяди Михаила Еремина. На ВЛК были еще Коротаевы, Виктор и Олег, вроде бы Владимир Шириков, он потом уехал на Шпицберген искать новые темы. Они пришли в гости к нам домой, приехал Михаил Павлович, все сидели за столом. Звали Белова, но он, по словам Коротаева, куда-то уехал. Мой дядя – говорун, его никому не переговорить. Но когда после рюмки водки заговорил В. Астафьев, стало понятно, что никто его не переговорит.

Тогда я посмотрел на вологодскую писательскую организацию вблизи. Вторая половина семидесятых. Я ходил в Дом книги постоянно. Искал новое, увлекался Вознесенским. И никакого ЛитО еще не было. Я был просто пассивный наблюдатель вологодской литературы. В Доме Книги были полки с вологодской литературой. Раскрывая книжки, я испытал недоумение и стыд. Что это было такое по сравнению с Вознесенским? Я внутренне смеялся, этой притворной стилизации под все деревенское. («Это тебе было смешно, а у Леднева, может, крик души»). Конечно, хорошо, что Леднев освоил лексику девятнадцатого века и в любой момент мог писать стихи, но уж нового тут точно ничего не было. Или Чулков, который в конце жизни писал переводы немецких поэтов. (Макарова – у Карачева намного смешнее). (Общий смех). Карачева я тогда не знал. Вы читали эпиграммы в газете «Вологжане улыбаются»? Галерея этих авторов – счастливые люди. (Смех). Кто был в этом Союзе, они взяли от этого Союза все. И немудрено, что система заставляла их писать – так. Выступать – так. И они писали, как положено. Не буду говорить, какой Леднев поэт. Для меня Леднев – функционер, работавший в той системе. Надо было «это отребье» опустить (начинающих)? Он опустил.

Сопина: «Он вел политику компромиссов, работал на два фронта – и нашим и вашим. И я тут ничего плохого не вижу».

Щекина – Так зачем же было на людях! на 25-летию! опускать, а в машине признаваться, что я всех люблю? Это горь-

ко было слышать.

П. Широглазов прислал его любимое стихотворение Леднева «Ты назови его Иваном» Стихи у Леднева были именно такие – традиционные, складные, умильные.

Что еще запомнилось из творчества Юрия Макаровича. Общеизвестно, что он писал стихи и рассказы для детей. Сборник таких рассказов «Домашние фокусы» написан, как говорят, твердым пером. Они все имеют сюжет, просты по идее и по содержанию, всегда есть дидактика, то есть урок, который читатель вынесет из прочитанного. С одной стороны – навязчиво. С другой – всегда есть идеал – то, к чему можно стремиться. Поражает любовь к белой собаке Снежке, ей посвящено несколько глав. Зеркальное отражение в тексте «Кошкин слуга». Они про синеглазого Пашку, который очень любит и жалеет кошек. Иногда мне, взрослому читателю, синих глаз и веснушек для образа кажется маловато, но зато необъяснимая доброта Пашки – она же от автора. Ведь Макарыч сам был очень добрый. Начнут его на ЛитО критиковать, а он только руками разводит: «Но, друзья мои...». Он стеснялся обсуждать свои тексты, а мы тогда еще ничего не понимали. А нам тогда отнестись бы к нему с таким же, как у него, милосердием.

Рассказ «Фигли-мигли» – это прямо карикатура на межнациональную рознь. Честно говоря, в той простенькой книжке никак не ожидаешь столкновения с трагедией, но как

раз «Тарелка супа» про голодного человека и «Елка» – это тихая, но трагедия. И автор смог рассказать об этой трагедии осторожно и тактично, не пытаясь навязать читателю представление, что все, дескать, хорошо и прекрасно. Нет, конечно, есть и беда, она рядом... Я его в состоянии беды только раз видела. Шел по улице Мира такой обессиленный, постаревший. «Дача у меня сгорела», – только и смог сказать. Может, эта беда и приблизила его инсульт?

Пьеса «Никола Рынин» запомнилась, стихи из книги «Сон на заре». Помню, эту книжку про Рынина брала в детской библиотеке. Потом сканировала дома. Книжку с пьесой дал, опять же, Малоземов. Он был тогда единственный человек, к которому можно было прибежать, спросить. И Ледневу он тоже много книг сделал.

Макарычу всегда хотелось пьесы писать. Он, помню, написал пьесу про Рубцова по просьбе какого-то тетра. Но театр так ничего и не ответил на текст. Он-то и заразил меня желанием написать пьесу. Втолковывал про единство места и времени действия, про минимум персонажей...

Мне понравилась пьеса «Никола Рынин» своей темой и своим героем. Рубцов к тому времени был очень избит, в смысле темы. А Рынин – страдалец и помощник народный – никому не известен. Кроме того, это максимально выражало личность Макарыча, бесконечно доброго и гуманного человека. В Рынине он видел спасение для обиженных жизнью людей. Да и форма – пьеса в стихах – ему была

по плечу. Что делает Рынин? Пророчествует, но не для себя. Не для вящей славы, а для людей. Очень это подкупает, к тому же сработало учтенное автором железное правило драматургии – хороший человек в тяжелой ситуации, а именно в тяжелые ситуации Рынин попадал постоянно. Важно и то, что это историческая личность. Об этом есть в аннотации.

Содержание пьесы: деяния Николая Рынина, чудеса. Начинается с того, что бывший вор спрашивает: «Что за звон?» А заканчивается тем, что вор молится Рынину, как святому. По моему мнению, тема личности и толпы, выраженная в этой пьесе, до сих пор не устарела.

Я говорила о его первой книге «Сон на заре», которая состоит из исторических баек, только стихотворных. Некоторые действительно трогают, не при Фаустове говоря. Говорили и другие о пьесе Леднева «Никола Рынин», которая передает в иносказательном историю святого.

Нина Писарчик написала хорошую рецензию на эту пьесу (Н. Писарчик: Юрий Леднев НИКОЛА РЫНИН: рецензия на пьесу <https://www.proza.ru/2012/10/19/637>):

«Короткая пьеса Юрия Макаровича Леднева об юроривом Николе Рынине настолько масштабна по заполненности сцены (приезд губернатора, сцена похорон), что вряд ли она постановочна в театре. Возможно, она задумывалась как киносценарий. Но прописанные диалоги слишком коротки, материала явно мало для художественного фильма, даже если будет вставлена масса красивых картинок «с натуры».

Интересно, что клиповость мышления (что удивительно для человека прошлого века), которую я наблюдаю у молодых авторов, в данном случае помогает сделать произведение выпуклым, стереоскопичным. Объёмные говорящие фигуры на фоне жанровых картинок дают представление об историческом периоде, о провинциальных нравах и ментальности народонаселения. Это может быть любой российский угол, не обязательно Вологда. Обыграно, конечно, реальное историческое лицо – Никола Рынин – в канонической манере «жития святых». То есть, история семьи, в которой родился будущий святой, причины, по которым герой отказался от рутины обыденной жизни и стал юродивым (иноком, стратотерпцем, монахом), жизнь его в миру с гонениями и непониманием, основные подвиги – в данном случае – дар предвидения и дар целительства, смерть на миру и возвеличивание его, как святого.

Возможно, пьеса и не предназначалась автором для постановки, она просто оказалась удобной формой. Такое произведение нуждается в пояснениях. И короткие авторские ремарки дают представление о героях и событиях. Сами же диалоги полностью отвечают языку описываемого времени (по крайней мере, нашему представлению о том времени). Язык губернатора отличается от языка простой бабы, ворбродяга начала двадцатого века отличается речью от бродяги-юродивого века предыдущего. В языковых характеристиках (в данном случае) и заключается мастерство автора. Чи-

тается пьеса легко, у автора замечательная техника. Это своего рода «Житие», но в новой, неординарной форме».

Офелия вологодской поэзии

О книгах М. Суворовой «Город об одном дне» (2012 г.), «Маленькие Марии» (2017 г.)

Вы знаете, что после медового Спаса есть Спасение как понятие? Само понятие Спаса-Всеграда стоит в Яндекске прямой цитатой из Суворовой, мне это очень понравилось. В древней славянской мифологии есть понятие Славянско-го Спаса. Это были люди, владеющие Славянским Спасом. Основой этого боевого искусства является способность человека к переносу своего сознания на более тонкие уровни Бытия. Эти эффектные понятия, осознанно или нет, в книге «Город...» есть, но волей автора упрятаны глубже. Стихи этой книги как раз отражают поиски души, ее метания, ее существование на разных уровнях духовного развития.

В Городе у Суворовой так холодно, что начинаешь мечтать о чем-то теплом. Лирическая героиня все время стынет и ищет тепла. Посему создается невольная мечта о чем-то утраченном, которая и связана с этим мифическим городом... Когда среда недодает тепла и жизни, воображение переносит все это в мифический город.

Авторская речь этой книги зашифрована, в ней тоже есть мифология, не древняя, а новая. Интересно описаны явления природного мира, например, в стихотворении «В городах на горах» (а какие тут города, если речь идет о зелени и о воде?) – но зелень и травы подминаются огненным змеем, все сгорает, желающие прочесть о страсти так и расшифруют, а если более общо – зной, сжигающий все живое.

Город может быть и об одном дне, как чемодан, но многие образы, напротив, очень странные, с двойным дном, иногда выглядят как оговорки по Фрейдю.

Обращает на себя внимание многозначное понятие воды:

«Город, построенный на реке» – у воды, обозначение традиции;

«Как и в других городах на воде» – на воде, которой полна атмосфера;

«Лучшее время – дождь»;

«Девушки сушат у моря ласты

ждут, когда вернутся их рыбаки» – у моря, у воды, и как у пропасти, отнявшей моряков;

«В Спасе-Всеграде – городе об одном дне,

Помню, гуляли по самой холодной воде» – по воде, обозначающей холод, ну по вологодской площади, где был Спасо-Всеградский собор;

«Там, где стоял дом, и над домом текла река» – вода, которая похоронила;

«Летом кругом лишь трава, а зимой – вода» – снова природная лакуна;

«Спускаться к воде, холодной осенней воде» – возвращение в родную стихию;

«Озёрная вода по цвету брод напоминала» (а какой цвет именно – не сказано, отсыл к воображению);

«Когда мы маленькими были-жили» – вода из детства, будит воспоминания;

«На воде, на реке ты становишься рыбой, а я водолей» – среда обитания, возврат к изначальному;

«Следить, как вода изменяет свой цвет от апреля к июлю» – вода отображает течение времени;

«Заброшенный корабль давно затих,

И ждёт новоявления реки.

И ждёт, начнётся вдруг прилив» – символ возрождения.

В книге есть любовная лирика, хотя она и не выглядит таковой.

Поэтому в книге как-то чужеродно выглядят тексты о маме и бабушке, написанные прозой, это для совсем другой книги, наверное. Но зато они изображают особый срез памяти. А может, так и надо, чтобы внутри одной книги росла другая, как заложено в моем любимом стихотворении «Сливовая косточка»... Это означает, что внутри книги поэзии уже растет понемногу книга прозы. И жанровые рамки становятся второстепенными, когда автору есть, что сказать.

А Суворовой есть, что сказать читателю. Ее слово давно уже переросло рамки лирического дневника, оно становится более масштабным, задевая вопросы памяти, веры, обретения себя и своей родины. Лирический герой Суворовой не желает быть «Иваном, не помнящим родства», наоборот, герой обретает себя через сложные родственные и общественные связи.

На протяжении двух этих поэтических книг мы видим, как меняется сложный язык Суворовой, его содержание и форма. Иногда он напоминает прекрасный лепет, иногда плакатную резкость, иногда строки складываются мягко, классически, иногда эмоциональный напор выплескивается через верлибры. В целом литературная состоятельность текстов Марии Суворовой не вызывает у меня никаких сомнений. Это сложный яркий необычный автор. Во многом благодаря этой необычности о Марии Суворовой сейчас много пишут, например, Н. Сучкова, М. Перченкова.

Д. Романенко, основатель поэтического клуба «Новый Диоген»: «Книга Марии Суворовой – актуальная поэзия. Меня эти стихи очень тронули: в душе возник тот резонанс, который происходит только благодаря хорошим стихам. На мой взгляд, это дневник жителя города или самого города, состоящий из миниатюр. Здесь город представлен как живое существо: его душа, его одежда, его настроение, его реки и травы. У меня есть простое правило оценки сти-

хов: если я их читаю, и после этого мне хочется писать, значит, я прочитал что-то очень хорошее, стоящее. И после прочтения Машиной книги я сразу взялся за перо».

Не всегда комплиментарно пишут. Приведу цитату из статьи д. ф. н. Романа Красильникова:

«Читая книгу Суворовой, я поймал себя на мысли, что в ней чего-то не хватает для молодой поэтессы. По-моему, нет эротической темы, нет экспрессивного крика, свойственного начинающим авторам. Это зрелая поэзия, которая выходит за рамки личного и склонна более к философичности и рефлексивности, к тютчевской традиции».

В книге Марии Суворовой «Маленькие Марии» множество нежных женских имен – Мария, Алина, Майя, Юля... Но сколько бы их ни было, речь ведется от лица одной и той же лирической героини. Потому что манера изложения и тематика не меняются. Это медленный рассказ о холодных домах, непогоде, о враждебной среде. И о маленьких уголках, где можно укрыться. Трогательно упоминание вологодских улиц, но дело не в них. Все события – внутри самой героини. У нее только один адресат – ты.

Тот самый ты, из-за которого приходится пить невкусное сухое вино.

Или правильно варить кашу, перебирая крупу.
Или наблюдать за плывущим одеялом-облаком.

Грубый быт пересекается с природными образами очень неожиданно. И в этом особенность поэзии Суворовой. Особенности языка. Стихи направления верлибр очень зыбкие по форме. В них нет ни ритмики, ни рифмы, они сами подобны облакам. Эдакие словарные акварели. Красиво, непонятно, но хорошо. Среда, по-прежнему, лед и вода. Вода в озере и реке. Жизнь на этом фоне кажется такой хрупкой, это напоминает о бренности и краткости бытия. Цитата:

кажется, каждый в своём горе —
внутренней тишине.

этот песок найдут у него в ладони
или на дне.

этот песок отмерял время,
не более чем,

и по минуте снова и снова
падал, тонул, тлел.

если меня оторвать от дома —
дикий вьюнок,

то ничего не останется, только помнить
стёртое в порошок.

кажется, будет не так больно
сжимать кулаки,

но ничего не останется, кроме

тоски.

Важная особенность: стихи Суворовой дают простор для толкований, и автор не устает повторять, что так и должно быть. Можно привести пример: по стихотворению Суворовой «Туман разбивается о бетон» вологодский критик Сергей Фаустов написал исследование на четырех страницах. Вот фрагмент:

«В стихотворении доминирует скрытая рифма: «море», «воет», «ноет», «успокоят», «боли». Внутренняя рифма формирует прочный структурный стержень стиха, как шампур с кусками, и не надо заботиться, чтоб катрены (куски) были одинаковыми. В своей естественности они все разные.

Существует много языков, есть обычный стандартный язык, на котором все говорят, дипломатический, и есть поэтический. В то время как стандартный язык – это система правил, которая представляет существующий порядок, поэтический язык всегда является продуктом восстания против этого существующего порядка в попытке создать новый порядок («лучшие слова в лучшем порядке», П. Вайль), непредвиденный, неожиданный, но отвечающий художественной правде. Настоящий поэт всегда бунтарь. Он использует язык, чтобы подорвать существующую систему правил, стереотипы, и сформулировать новую систему правил, основанную на уникальности, как поэта, так и читателя. Повторяю – и уникальности читателя тоже. В совместном

восприятию поэтический язык способен выразить бунтарский анархизм, хаос, самоорганизующийся в художественный порядок.

*Но волны облизнут губы,
И успокоят.
Весь мир состоит из камней,
А камни не знают боли.*

С точки зрения стандартного языка здесь все неправильно, а на поэтическом языке – шедевр».

Да, там есть светлые строфы, но в целом пространство книги это какой-то нео-декаданс. Печальное угасание, интонации баюкающие. Пусть будет для читателя загадка, ведь были же богатые обещания. Но это не болезнь роста, это такой сознательно выбранный стиль. Вся книга очень стильная. Не в смысле модная, а в смысле выражения стиля и себя самой. Есть, правда, мотивы борьбы.

Против течения грести сложно.
Справлялся с трудом.
Под лодку затягивало водоросли.
Просвечивало дно.
Всё, что ты помнишь – бурые волосы,
Зелёные водоросли,
Песчаное дно.

Всё, что я помню – хотела жемчужину
И плыть под водой.

Такова лирическая героиня Суворовой – сумрачная водяная нимфа, Офелия вологодской литературы. Эмоции не прямые, открытые, а приглушенные и будто бы условные. Если они есть – это, скорее, исключение, чем правило.

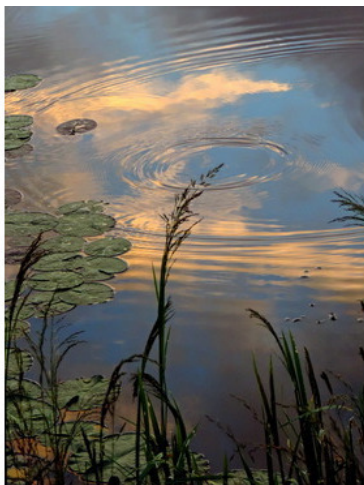
пусть этот стишок – коротенький и невзрачный,
написанный просто так, как говорится, в стол,
станет моим немного надломленным счастьем,
самым обычным счастьем,
вернувшись в дом.

такое бывает, когда напряжённо любишь —
времени не щадя, не считаясь ни с чем,
радуешься беспредельно и даже ликуешь,
впервые за много лет – ликуешь,
не спрашивая, зачем.

Иной читатель еще подумает, светлый это стих или нет. Но для помнящих раннюю Суворову, многие тексты которой были сосредоточием горя, тот сочтет данный стих довольно светлым. По степени открытости и эмоциональности, пожалуй, выделяется стих «Это самое первое наслаждение...» Непривычный словарь, но довольно гармоничный, и в нем даже невольно проступает рифма.

после, после, но только не мне, а другим
расскажешь, как снег превратился в лёд на твоей реке,
расскажешь об уходящей под лёд воде,
и из чего складывается удача, расскажешь,
о денежке, показанной тогда луне,
монетке во внутреннем кармане на рукаве.
и всё это выстроится в неровный ряд —
белого озера невидимый циферблат.
из чего, из чего сделаны крылья твои,
бумажное оригами, папье-маше?
после, после расскажешь всё обо мне.

Психологическое напряжение книги достигает высшей точки, и центральным понятием снова становится боль, как и вранних стихах. То есть, это тот же автор. Только внутренне выросший, разветвившийся, как дерево.

Поэзия

Жорж Вандышев

(Вандышев Евгений Лонгинович 11.03.1974 – 12.2019)

Что могу сказать про Женю... Он мой младший брат (разница 3года), все детство мы провели вместе, он лет до 8 очень часто болел, был худенький и слабенький, т.к. родители все время были на работе, мы даже иногда из д/сада уходили одни, дом был рядом. Женя был спокойным и скромным мальчиком, впрочем, по скромности и я не уступала. Играли и в куклы, и в машинки, и в солдатиков, ещё играли в школу, я была учителем, а Женя – учеником. Чи-

тать мы научились вместе, мне было блет, а Жене 3года. Самая первая книга у него после букваря была» Батальон четверых», не помню автора, про ВОВ, в те годы нам очень нравилось читать про героев войны, про детей войны... Позже он читал разную литературу, читал постоянно. С детства ему пророчили великое будущее. Мы учились во 2школе, сейчас гимназия. В начальной школе он учился на отлично, все легко давалось, видимо расслабился потом, родители нам доверяли и не следили за нами пристально. Дальше Женя стал хуже учиться, я уже период подростковости не очень помню, т.к. сама много занималась спортом, учёбой, было не до чего... Мне кажется, где-то лет в12- 13 Женя стал играть немного на гитаре, и у него уже тогда первые стихи появились, и друзья по интересам и увлечениям (Леша Казанский... позже и Женя Новикова, к сожалению не вспомню других ребят, многих уж нет...) Потом мы не очень дружно с ним жили – мне не нравились шумные компании, а у Жени всегда были гости, что говорить, вообще, молодёжь тусовалась у нас... Еще что сказать, Женя с нами (с родственниками) не очень то делился своими мыслями, больше молчал, но в этом молчании мне казалось было что-то нам не доступное, как будто он знает что-то такое... важное или великое, не знаю, как выразить, ну, как бы смотрел немного свысока, не надменно, конечно, но мне было не комфортно иногда... Как будто он что-то знает, а мы нет.

Женя увлёкся рок-культурой, это были 80е и 90е годы, об-

щался с неформалами, наверное, в это время и стал писать, перед нами он никогда не выступал, мне кажется не был уверен, что мы его правильно поймём. Первую книгу «Вансуав» он нам представил, по-моему мы даже с подругой были на презентации... Но потом общались все меньше и меньше. Женя по жизни романтик, творческая личность с огромным внутренним миром.

К большому сожалению, ему не встретилась та женщина, которая бы его поддерживала и понимала, и принимала таким, как есть. Это все очень сложно, но, как говорят, мы сами творцы своей судьбы, он выбрал такой путь, ещё в ранней юности он мне говорил, что не долго проживёт на белом свете... По-моему мнению, он не был готов к физическим нагрузкам, хотя и спортом занимался в детстве, но ему нужно было учиться и выбирать творческую профессию... К сожалению деньги зарабатывать ему было очень сложно, в наше время жёсткой конкуренции... Женя никогда не обращал внимания на свой внешний вид. Не знаю, откуда у него это качество. Видимо, для него было важнее другое, он очень добрый, никогда не отказывал ни в чем друзьям, сочувствовал, сопереживал

Со слов его друзей, он и ушёл в мир иной, помогая (как говорится, чем мог) своему другу (друг имел какие-то заболевания и не выходил из дома). Очень хочется верить, что его смерть произошла на фоне хронического заболевания (ишемической болезни сердца, острой сердечной недостаточности).

сти), но не добровольного ухода из жизни. Я думаю, он бы тогда напоследок что-нибудь написал... Сложно сказать, может и хотел да не успел, так совпало... Очень жаль, что не пожил, недотворил, недовоспитал (у Жени 2 сына), и недолюбил... Многие талантливые люди рано уходят, но остаются их творения, фразы, мысли, которые живут вместе с нами... Скажу честно, я не поклонница Жениного творчества, но я мало что читала, поэтому не мне судить, каждый имеет право быть.

Елена Вандышева, сестра

Из сборника «ВанСуАв»

Между молотом и наковальной
Есть некоторое расстояние.
Там я и живу.

Думаю
О разном...

*

Зовет меня мохнатое,
Зовет меня лохматое.
Нестриженое, грязное,
Смешное, безобразное.
Далекое и низкое,
Жестокое и склизкое.
Вонючее, бездомное,
Знакомое, холодное.
Что это? Шутки дьявола

Килька в томатном соусе?
Чудовище рогатое?
Иль гибель в фотофокусе?
Господом проклятое,
Нечищенное, мятое
Зовет меня мохнатое,
Зовет меня лохматое.

Ода Хаосу

.Здесь тебе не тут.
Тут тебе не здесь.
Даже сосны врут,
Что где-то счастье есть.
Прославляя хаос,
Я рожден быть мертвым

Хмурым и голодным
На снегу холодном.
В зеркале же вижу
Волка одиночку.
Думы, ухмыляясь,
Больно бьют по почкам.
А веселья чаша
Выпита до донца.
Дав отставку счастью,
Я рожден быть мертвым
На потеху солнцу.

Мое имя- Печаль.
Мое прозвище- смех.
Мои дети- Беда,
Птица счастья и Грех.
Моя ноша-
Разрубленных вен синева.
Мое горе- цветы,
Моя радость- трава
Чертополох... оптимист

В моих карманах опять пустота,
Я гол как сокол, но свободен как птица.
Я радуюсь жизни, читая ее
Новую большую страницу.
Я весел и смел, и доволен судьбой,
Хоть часто она мне и строит ловушки-
Ведь это не повод, чтобы страдать,
И я оптимист от ног до макушки.
И знаю наверняка,
Несмотря на богини коварной проказы,
Вспыхнет зарей моя ярко звезда,
И будет на нашей улице праздник.

Домой
Вновь деревья за окном
Плавно уплывают в вечность.
И телеграфные столбы
Измеряют бесконечность.
Стоя в тамбуре вагона,

Вдыхая сигаретный дым,
Слушаю как стучат колеса
По рельсам гулким стальным.
Бежит по циферблату стрелка,
Считает время втихаря.
Наверное туда приеду,
Куда давно уж рвался я.
Где в сером полумраке леса
Грибы ребенком собирал
И где позднее на уроках
О первой девушке вздыхал.
Не знаю, многие ли рады
Приезду будут моему.
Хотя... Зачем об этом думать,
Пожалуй все же ни к чему.
Стоя в тамбуре вагона,
Где луч солнца золотой,
Песню слышу: В такт колесам
Все стучит: домой, домой

Домой-2

И снова поезд дал гудок,
И объявили отправление.
Опять я в тамбуре стою,
Пытаясь побороть сомнение:
Куда я еду, где мой дом?
Там где родные иль где солнце?
Там где враги иль где друзья?

Мой дом- Земля!

Я мог бы быть чертом.
Я мог бы быть богом.
А стал человеком
С простым серым мозгом.
А мог быть красивой
Цветущею ивой,
Ронять лепестки
На гладкую воду.
А мог быть водой
И катить свои волны
Куда- то
На радость народу.
И солнечным зайчиком
Быть бы хотелось,
По стенам скакать
Со счастливой улыбкой. щеки
Или змеей извиваться в болоте,
Или по дереву ползать улиткой.
Как трудно быть чертом.
Как трудно быть богом.
Легче стать человеком
С простым серым мозгом.

Та, что проснулась утром рядом

Вдруг соизволила сказать:
Мол мне теперь других не надо!
Опешил я: «Твою же мать!»
Что было расскажу вам вкратце:
Не помню восемь из шести,
Ответьте, разве можно, братцы,
Подобный бред с утра нести?!
Ни имени, базаров слишком
Одной из нескольких фигур...
Теперь же в телефонной книжке
Есть ТЧТПРСНУР

Ода последней сигарете

Я хочу курить, но я не буду!
Новый день грядет чрез несколько часов!
Как бы я хотел поверить в чудо
И расстаться с множеством врагов!
Как хочу сказать тебе, любимой,
Загорись и в пламени сгори,
Мне в отместку жизни суетливой,
Дымом и смолой в меня войди...
Но лежит в помятой пачке неделя
Бело-рыжая хозяйка яви и снов...
Искую тебя с рассветом, «Прима»,
Хоть и сейчас уже на все готов!

Гости из Средиземья или белая горячка

В квартире с газовой колонкой вода течет
и днем, и ночью.

Здесь пьют безбашенные орки, и злые
эльфы стрелы точат.

Тут в кресле постригает ногти бродяга – гном
чудак лохматый,

А рядом невысоклик хоббит картошку чистит
всем собратам.

И с люстры три гаргульи свисли, а в туалете
троль зачах...

Откуда, гады, вы приплыли?!

Опохмеляюсь натошак.

Переставлены акценты, разрослись
соцветья дней

На отдельные моменты жизни
прожитой моей.

Что мечтать о том, что было? Что терзаться
по ночам?

Время зрелости вступило в фазу
«бегать по врачам»

Под личиной оптимизма

Млечной вечности реки

Ждать расплаты за грехи

В предвкушеньи новой клизмы!

Жизнь меняется по осени, время
помянуть ушедшее.

По утрам дороги с проседью сеют мысли

сумасшедшие.

Лужи инеем покрытые ждут
переоценки ценностей...

Может завязать с поллитрами, да
подвыбраться из бедности?

Лень с хандрою, их высочества, что-то
шепчут одинаково.

В комнате закрыться хочется да
перечитать Булгакова.

Вечных истин гроздя спелые
в полусне переплетаются...

Как девчонка загорелая, жизнь по осени
меняется...

Взирая бесстрастно на раскуроченный мир
повседневности бытия,

Ставлю не точку, нет – многоточие: все
возвращается в круги своя.

Все возвращается. На смену хаосу придет прямая
(зови не зови).

Ангел, забытый под знаменем бахуса, старый
предшественник новой любви,

Снова прицелится в грудь неготовую,
не защищенную бронежилетом.

В нас, что как были и есть бестолковые, с вечных
небес вдарит из арбалета...

И с оптимизмом философа хренова верю, что
вся эта муть не напрасна...

Все возвращается. Все. И поэтому

на взбалмошный мир
взираю бесстрастно.
Вове Бомжу

Я в очереди за портвейном потратил лишних
полчаса!
Нет, мне не стать вождем Вселенной, я
безнадёжно опоздал.
Вперед шмыгнул, собака, длинный и кривоногий
мой сосед,
И на раздаче апельсинов ему дадут приоритет.
Как Арамис с унылой рожей: «Влачу
безрадостный удел»,
Пойду повешаюсь в прихожей, раз в боги
снова не успел...

Разговоры, разговоры, посиделки, болтовня.
Мы словесные узоры вновь плетем уже три дня.
Нет ни денег, ни работы и с жильем не без проблем.
Ох, по женщинам охота, и по водке вместе с тем.
Мы б сходили поработать, но начальникам видней,
Много курим отчего-то между карточных затей...
Хороша командировка получилась у меня —
Разговоры, разговоры, посиделки, болтовня.

В горнице печурка жарит. Этот утренний мороз
под окно с моих окраин ветер северный принес.
Хорошо в мороз пылают и березка, и ольха.
Сладко душу согревают, а на сердце ни фига!

Ни фи́га, ни темной но́чи, ни раскра́шенного дня
– видно созерцатель очень расфилософствовался.
И куда мне, полубо́гу, не познавшему седин,
Размышлять о судьбах многих, если сам как перст один...
В подоконник барабаню песнь мороза и огня...
Не пойти ли, братцы, в баню?! Это точно для меня.

Деревенька, огороды, Поселковая, дом два.
Мне готовит бутерброды развеселая вдова.
Разносолы, самогонка и парное молоко...
Мне от этакой бабенки, ох, уехать нелегко.
Может быть, не торопиться, дома жинка подождет?
Ох, студеная водица, ох, наполненный живот.
У нее на половине ни запоров, ни замков —
как тут быть, коль в русских селах не хватает мужиков.
И под звук ночной природы и разделась, и легла.
Так любила, словно годы честь девичью берегла...

...

Ирина Григорьева

Родилась в Вологде, 20.02.1981 г. Высшее юридическое образование. Начала писать благодаря студии Г.А.Щекиной «Лист» в 2018 году. Посещает лито «Ступени» 2018—2019. Жанры – поэзия, эссеистика. Публикация в в сборнике «Почему Анчаров?» №6

Стало легче. В переулках гоняет ветер
Жухлых листьев пустые блокноты.
В лабиринтах души купаются голые дети
И поют а капелла сонеты не попадая в ноты.
Полной грудью вдыхаю свежий воздух влажного леса
И топчу паутинку дорог засиявшего мира.

А тебя, словно старую кожу, снимаю потеревшись спиной
о завесу.

Прав был Бог, когда нас просил не создавать кумира.

Сползает шёлковое платье,
Скользит по коже, как ручей.
На шее тёплое распятыё,
А на спине следы бичей.
Нагие плечи полыхнули
Дугой отметин от зубов.
В груди нежнееет след от пули,
На животе – от родов шов.
Ожог шлепка на ягодице.
Колени в хрунах и бинтах.
Раскинулась, как крылья птицы,
Сеть варикоза на ногах.
Покровы тают под ногами,
Свалившись рыхлой кучей вниз.
Что происходит между нами?
Не для соблазна мой стриптиз.
Я обнажаюсь слишком сильно.
Пульс до предела учащён.
Я под одеждой не красива.
Но ты, смотрю, не удивлён.
А как закончится «одежда»,
Я скину на пол скальп волос,
Начну снимать я с тела кожу
И окропляться солью слёз.

Когда к твоим глазам усталым
Волной прихлынет тошнота,
Возненавидь меня, пожалуй,
Но лишь смотреть не перестань!

С тонких веток души облетают последние листья.
В тихом шуме дорожном растворился твой голос родной.
Холст прожжён, краски кончились, высохли кисти,
И портрет наш с тобой не допишет художник чудной.

Улетаешь. А мне оставляешь лишь камни земли,
И шагая по ним я уже все изранила ноги.
Извозила одежду в тяжёлой свинцовой пыли,
Потеряла разметку извилистой мрачной дороги.

Мне так страшно одной в лабиринтах холодной судьбы.
Тщетно ищут тебя мои вдруг ослабевшие руки.
Растворились в кислотном тумане пустые мольбы.
Тихо падают с неба проржавевшие хлопья разлуки.

Я не буду кричать, что тебя больше жизни люблю.
Ведь слова оборвутся, опадут в тишине звездопадом.
Никогда не забуду глаза и улыбку твою.
Пустота повернётся ко мне нескончаемым душащим
адам.

Я хотела бы стать твоим лёгким нательным крестом,
Талисманом, лежащим в нагрудном холщовом кармане.
Лишь бы только на этом быть свете с тобой и на том,
Мёртвой призрачной рыбой на волнах в твоём океане.
2019—2020

Дырочки

Разговаривать с вечностью,
лёжа под скомканным пледом,
Без задумчивых слов,
без заученных пафосных фраз.
Исчезая идти

за молчанием путанным следом,
Пропадать в темноте
от назойливых выцветших глаз.
Ночь набросила тряпку
на хрупкую зыбкую сферу.
Дыроватую, чёрную,
только что был день – и нет.
И сочится сквозь дырочки,
чувствуя власть над барьером,
Тонкий, тихий, зовущий, обманчивый свет.
Контур мира распался
и сгинул в сгустившемся мраке,
Слышен стрекот кузнечиков
где-то в уснувшей траве.
Лишь огромное небо
в блестящем отглаженном фраке
Ревизирует мысли
в уставшей от дел голове.
Глаз, увы, не хватает,
чтоб объять всё его превосходство.
Оно давит на память
тяжёлой бетонной плитой.
Ощущать себя пылью,
смириться с незримым господством,
Обнажиться под пристальным взглядом
заботы простой.
Вместо сердца почувствовать
талую чистую воду,
Дать протечь по щеке

набежавшей солёной воде.
Вдох и выдох, как птиц,
отпустить на шальную свободу.
Оказаться на миг
словно время – везде и нигде.
Прошептать, содрогаясь, молитву
простыми словами.
Проводить её взглядом
в дырявую чёрную бязь.
Светлой чёрточкой яркой,
мелькнувшей на миг над полями,
Получить от небес, как надежду,
Обратную связь.

Купание

Намокшие камни. Деревья в росе.
Песок лёг причудливо в змейки
На вновь обретенной прибрежной косе,
Начерченной как по линейке.

Волнение моря заметно едва.
Прибой нежно трётся о скалы.
Расправила спину слепая трава,
Пробилась сквозь ила завалы.

Размыты дороги, и каменных стен
Виднеются скорбные кучи,

А солнце лучами ткёт свой гобелен.
Как раньше. Не хуже, не лучше.

Взволнованный ветер взалкал голосов,
Но тщетно их ищет в купели.
В воде растворились громадины слов,
Растаяли сахаром трели.

Как белые перья летят облака
Промеж заколоченных окон
За горные пики цепляясь слегка
Сплетеньем прозрачных волокон.

Теплом тишина по умытой земле
Течёт как неровный набросок,
И капельки света дрожат на смоле
Обломков гоферовых досок.

День

Скрип сандалей тонет в шуме улиц.
Мутных окон взгляды холодны.
Тихим блеском вдаль летящих улиц
Бьются недосмотренные сны.

Город пьёт дыханья словно водку.
На закуску – запахи шагов.
Захмелев, играет не в охотку
Марш на балалайке проводов.

Лёгких платьев треплются подолы,
Придавая лету новый смысл.

Утро ставит бодрости уколы,
Горизонт сгибая в коромысл.

Пустоту меж небом и землею
Заполняют люди и слова.
Тоненькою ниточкой живою
Сдерживая расхожденье шва.

Тот портной, что мир кроил небрежно
И булавки вынуть позабыл,
Шьёт для каждого из нас одежду
Из прозрачной ткани белых крыл...

Заблудившиеся

Ещё не зачавшись погибли их общие дети.
Как рельсы стальные текут в горизонт жизни их.
Зенит и закат отгемели еще на рассвете,
Слова не сложились в красивый и правильный стих.

Она мыла раму, он звезды топтал в поднебесье.
На книжных страницах искал обходные пути.
Плутала она, заблудившись в чужом мелкоколесье,
Не в силах дорогу из круга событий найти.

Столкнулись они в коридоре какой-то больницы,
Как шарики Марблс в неловкой ребячьей руке,
И старая память, очнувшись, мелькнула на лицах,
Заставив реальность как струны дрожать вдалеке.

Блестящую каплей, сорвавшейся с кисти небесной,
Впиталась под кожу цветная тягучая слизь,
И радужной кляксой внутри оболочки телесной
Она принялась нарушать их привычную жизнь.

Колючая тяжесть стенола в обжившихся душах,
Вползая, как вор, в полуночные хрупкие сны.
Подбитым крылом отражалась в разлившихся лужах,
Как левиафан наблюдала из их глубины.

В обычном движении дней, пролетающих кучно,
В плацкарте чумного вагона состава «в ничто»
Нарушить куплет, что со скрипом звучит благозвучно,
В нормальном уме не захочет, конечно, никто.

Всем с пулей в груди жить приходится, будто с соседом,
Слабая в уме и на пальцах песчинки-года,
И каждому дышит в затылок жуком-людоедом
То слово, что смерти страшней – НИКОГДА...

Великаны

Смотри, смотри! Шагают великаны.
На стопах – пыль веков и пена дней.
Им нипочем цунами и вулканы.
Они в десятки раз богов сильней.

Ты слышишь? Их шаги шуршат стихами,
Спорхнувшими с расплавленных страниц.

Их головы объаты облаками,
А на плечах – обитель синих птиц.

Они проходят быстро, но заметно,
Сминая время, будто простыню.
Свистит дыханье их прохладным терпким ветром,
Шатает мира яркую мазню.

Ты смотришь ввысь на их прямые спины.
Ты хочешь влезть в их маленький карман.
Не видят нас пришельцы-исполины.
Для них мы лишь оптический обман.

Нам остаётся в их следах огромных
Растить пшеницу, строить города
В калейдоскопе редких дней скоромных,
Текущих, словно мутная вода.

Нам остаётся вслушиваться в эхо
Их громких еле слышных голосов,
Разгадывая с призрачным успехом
Смысл новых не совсем понятных слов.

Ты плачешь и твердишь: «Не уходите!»
Так хочется сбежать из стен своих.
И люди молятся, мечтают о Визите,
Но великаном может стать любой из них...

Следы

Я пойду по твоим следам,
Что ты мне оставляешь на ткани.
Еле видимым, исчезающим,
Не идущим по бороздам.

Они будут мне греть ступни
И покальвать электричеством,
Обжигать холодком желаний
Улетающей в кэш болтовни.

В одиноком своём пути
К перекрестью лучей на рассвете,
Прикрываясь святым колесничеством,
Я продолжу, как семя, расти.

Буду я подбирать гроши
Твоего пикника на обочине.
Хлеб ломая, как в Новом Завете,
Его хрустом кормиться в тиши.

Мне тебя не настичь никогда —
Замедляться, в тебе нет привычки.
Приведёт меня вновь к Червоточине
Твоих мыслей живая вода.

Сгинул страх прошагать по золе
И прошу, воздевая ладони:
Трогай небо, как книги странички,
Только ноги оставь на земле...

Скалится полночь тонкой ухмылкой луны,
С неба, как иней, сыплются хрупкие сны,
В головы, в души, на крыши, на арки берёз
Патиной тонкой ложится небесный наркоз.
В мире сомнамбул не сыщется лёгких дорог,
Тел потерявшихся движется плотный поток.
В доме, где окна затянуты серым холстом,
Мрак коридоров тревожится вечным хлыстом.
Тесно дыханию в вязких белковых мешках.
От полироли вдруг явится блеск на глазах.
Тонкие синапсы рвутся под тяжестью слов.
Мир застревает в узком плену полюсов.
Циклится жизнь, киноплёнка мотает репит.
Смоет дождём пожелтевшую пыль с пирамид.
Толстые нитки, связавшие шарф на двоих,
Мысли обычные отформатируют в стих.

Послевкусие

Как же страшно любить не тебя, а твоё послевкусие.
Неуверенный запах шагов, эхо каменных стен, тишину,
Раскатившуюся по далёким углам, словно бусины,
Пробежавшую бойкой оляпкой по шумному дну.

Этот воздух пропитан твоим неземным излучением,
В инфополе висят брызги колотых скомканных слов.

Всюду полосы смыслов едва уловимым течением
Заплетаются в сети причудливых общих узлов.

Призрак долгого взгляда горит за закрытыми веками
И вот-вот упадёт на ту сторону будто бы пыль.
Заведённый тобою волчок режет мозг неудобными
стеками,
И мотает на вал впечатления, сказки и быль.

Твой портрет выпирает повсюду цветными осколками,
В темноте режет глаз, как кислотный рекламный неон.
Промежутками, брешами, порами, точками, щёлками
Окружает, сочится, топорщится с разных сторон.

Тщетны сотни попыток стряхнуть от себя
наваждение —
Не сменить одним пальцем тупые законы Земли.
Нет здесь кнопки такой, что позволит сменить
притяжение.
Невозвратная точка, как айсберг, маячит вдали...

Прокрастинация

Сгладились горы. Стали похожи на простынь.
Звезды осели светящейся пылью в траву.
Стал одаренным ребёнком каждый живущий
здесь взрослый.
Группы меньшинств угодили в клешни
к большинству.
Флагман простыл, накренился и сдулся, как шарик.

Мачты флотилии встали среди якорей.
Свет маяка поместился в карманный фонарик,
Лижут колени глубины тарелок-морей.
Горный орёл в жёны взял черноморскую чайку.
На Откровенье наклеен ярлык «ширпотреб».
Влезший в потёртые джинсы и белую майку
В супере Бог покупает по акции хлеб...

Тренды

Неистовое время ест границы.
В ладони многомирье – это тренд.
Не из бумаги сделаны страницы,
Да и вообще, страницы – личный бренд.

Мхом поросли античные колонны,
Для бложика пригодные, как фон.
Переделались в свитера мадонны,
Младенцев заменили на смартфон.

Порталы в каждой типовой квартире.
В них тонут радости, печали, стыд и боль.
Сознание уже, мир смелей и шире,
Здесь верховодят палочка и ноль.

В мельканьи дней сверхновых не заметно —
Они являются и гаснут каждый час,
Как мотыльки, сминаемые ветром,
Пыльцой блестящей оседают в нас.

Мир расслоился тонкой роговицей,
Давно изучена семантика чудес.
Есть алгоритмы, схемы и таблицы
Для гениев, талантов и небес.

Теперь любой – пиит. Плевать, что жалок.
Створить сумеет сытые стихи.

Он бога слепит из г..на и палок

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.